PG 3337
.K7 Z66
1873

НАРОДНЫЯ ЧТЕНІЯ

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Изданіе учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній.

ИЗЪ КНИГЪ
ГЕННАДІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
ЮДИНА.
№ 8ра

Class PG3521
Book .A4 Z4

YUDIN COLLECTION

6PO

СУ/R

CYR Filonov, A.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

А. ФИЛОНОВЪ.

Съ 10-ю раскрашенными картинами.

ИЗДАНІЕ УЧРЕЖДЕННОЙ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ МИНИСТРОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПОСТОЯННОЙ КОММИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И К°.
(Вас. Остр., 3 лин., д. № 44).
1873.

PG3337
.K7Z66
1873

95-229850

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

На Руси было много писателей, т. е. такихъ образованныхъ людей, которые сочиняли умныя и полезныя книги. И въ настоящее время у насъ, слава Богу,—не не мало писателей. Есть что почитать, есть чѣмъ занять свой умъ, свое сердце. Книгъ, и книгъ умныхъ, полезныхъ, занимательныхъ, на Руси довольно. Была бы только у насъ охота читать, да умѣнье читать. Если бы среди Русскихъ людей было побольше грамотныхъ, то нашлось бы, чѣмъ занять время, свободное отъ ежедневныхъ трудовъ.

Особенно жалѣешь о людяхъ неграмотныхъ, когда знаешь, что они лишены удовольствія читать и понимать такія занятныя книги, каковы напр. *басни*, сочиненіе дѣдушки Ивана Андреевича Крылова.

Между прежде бывшими писателями и нынѣ живущими не было и нѣтъ ни одного, кто превзошелъ бы славою дѣдушку Крылова. Не было и нѣтъ на Руси писателя извѣстнѣе Крылова. Ребенокъ, не учащійся еще азбукѣ, уже по наслышкѣ знаетъ какую-нибудь басенку Крылова отъ своихъ старшихъ братцевъ или сестрицъ. Въ школахъ, и мужскихъ и женскихъ, басни Крылова заучиваются наизусть прежде всякаго другаго сочинителя. Въ жизни, въ разныхъ слояхъ общества, среди различныхъ обстоятельствъ, припоминаются примѣры изъ басенъ Крылова. Стихи изъ басенъ Крылова приводятся въ разговорахъ, какъ пословицы.

За что̀ такая слава выпала на долю дѣдушки Крылову? За что̀ одному ему, а не какому-либо другому

писателю поставленъ памятникъ въ Петербургѣ, на такомъ видномъ и доступномъ для всѣхъ мѣстѣ, каковъ Лѣтній Садъ?

За басни, слушатели, за басни... Дѣдушка Иванъ Андреевичъ Крыловъ прожилъ на свѣтѣ семьдесятъ шесть лѣтъ, въ полной памяти и свѣжемъ умѣ; а другіе говорятъ, что онъ жилъ ровно восемьдесятъ лѣтъ. Семьдесятъ ли шесть лѣтъ, или восемьдесятъ, — для насъ все равно. Мы знаемъ, что Крыловъ умеръ дѣдушкою, умеръ въ глубокой старости. Имя *„дѣдушки“* онъ пріобрѣлъ при жизни, ибо матери показывали дѣтямъ на проходящаго по улицѣ Крылова и говорили: „вонъ дѣдушка Крыловъ!“ Имя дѣдушки за нимъ осталось по смерти, ибо на памятникѣ, что въ Лѣтнемъ саду, Крыловъ представленъ дѣдушкою. Имя дѣдушки по преимуществу принадлежитъ Ивану Андреевичу Крылову, ибо басни его показываютъ умъ многоопытнаго старца, — такого мудраго старца, который насквозь видѣлъ человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни.

Крыловъ началъ писать басни на тридцать восьмомъ году своей жизни, а по другимъ извѣстіямъ — на сорокъ второмъ году. До басенъ, которыми онъ привлекъ къ себѣ вниманіе всей грамотной Россіи, Крыловъ многое другое сочинялъ; но все другое, что онъ сочинялъ, забыто, — однѣ басни не забыты. Однѣ басни Крылова составили ему громкую славу у насъ и за-границей. У насъ знаютъ дѣдушку Крылова по всей Руси, и заграницей разные народы знаютъ нашего славнаго баснописца.

Вотъ почему настоящую бесѣду свою мы поведемъ *о басняхъ дѣдушки Ивана Андреевича Крылова,* родившагося 1768 г., а умершаго 1844 года.

Баснями называются разсказы замысловатые. Въ басняхъ говорится и про людей, напр. про какого-нибудь Демьяна, Ѳоку, но разумѣть тутъ надо не одного только Демьяна, а тысячи людей, на него похожихъ; говоритъ басня, напр., про Тришку, про Климыча, про Петра, а разумѣть тутъ надо сотни и тысячи людей, тоже дѣлающихъ, что дѣлали Тришка, Климычъ, Петръ. Басня — замысловатый разсказъ. Ее надо раскусить; въ

ней не съ-проста дѣло. Кромѣ людей, въ басняхъ дѣйствующими лицами бываютъ четвероногія животныя (напр. медвѣдь, волкъ, лисица и пр.), птицы, рыбы, насѣкомыя (напр. муха. пчела, червякъ), гады (напр. змѣя); выводятся въ басняхъ неодушевленные предметы, напр. камень, ручей, прудъ, роща, — даже предметы повседневнаго быта нашего являются въ басняхъ и дѣйствуютъ, подобно людямъ, напр. гребешокъ, горшокъ, бритвы, мѣшокъ, вѣникъ.

У нашего дѣдушки всякая вещица, повидимому, пустая была поучительна; дѣлалась умною, говорящею. Видитъ Крыловъ камень, называемый булыжникомъ, и подлѣ него алмазъ. Этого довольно, чтобы въ умѣ его составилась цѣлая басенка про булыжникъ и алмазъ. Алмазъ взяли съ земли, представили царю, царь оправилъ алмазъ въ золото; захотѣлось и камню такой же чести, да и какъ не захотѣть: вѣдь камень лежалъ на землѣ когда-то вмѣстѣ съ алмазомъ. Проситъ булыжникъ мужичка взять его въ столицу.

Взялъ камень мужичекъ на свой тяжелый возъ,
И въ городъ онъ его привезъ.
Ввалился камень мой, и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ алмазомъ;
Но вышелъ для него случа́й иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мостовой.

Замысловатый этотъ разсказъ, взятый отъ такого обыденнаго предмета, каковъ есть булыжникъ, поучаетъ, что каждый долженъ дѣло брать по своимъ способностямъ.

Крыловъ весьма часто любилъ брать уроки для Русскихъ людей изъ повседневнаго нашего быта.

У кого въ домѣ нѣтъ котла и горшка, голика, мѣшка, гребня, бочки, топора! Ну что, кажется, можно сказать замысловатаго, видя на кухнѣ котелъ и горшокъ, вѣникъ, называемый голикомъ, мѣшокъ, о который отираютъ ноги въ прихожей,—видя гребень, которымъ чешемъ голову ежедневно,—бочки, катящіяся по улицѣ? Такъ мы, обыкновенные люди, думаемъ. Но не такъ думаетъ

нашъ великій мудрецъ Крыловъ. Его проницательный умъ открываетъ важные уроки въ котлѣ и горшкѣ, въ голикѣ, мѣшкѣ, гребнѣ и въ пустой бочкѣ.

Горшокъ и котелъ въ сосѣдствѣ вмѣстѣ жили; котелъ поѣхалъ странствовать, захотѣлось и горшку вмѣстѣ съ котломъ путешествовать. Отправились. „Пустилися друзья по тряской мостовой, толкаются въ дорогѣ межъ собой!“ „Горки, рытвины, ухабы котлу бездѣлица,“ а горшку бѣда. Какъ долго котелъ съ горшкомъ странствовали, неизвѣстно,—но домой котелъ цѣлымъ воротился, а „отъ горшка одни остались черепки“... Баснописецъ выводитъ изъ этого замысловатаго разсказа то заключеніе, что „равенство въ любви и дружбѣ вещь святая.“

А то обратитъ дѣдушка Крыловъ свое вниманіе на вѣникъ, называемый въ простонародьи голикомъ и тутъ у него начинается поучительная бесѣда. Голикъ, грязный голикъ, сталъ чистить господское хорошее платье; что есть мочи колотитъ голикъ платье, какъ-будто рожь на немъ молотитъ. Но что же выходитъ? „Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только больше пятенъ.“ Все отъ того, что самъ голикъ запачканъ, грязенъ, неопрятенъ. Эта басенка осуждаетъ того человѣка, который „не въ свои дѣла вплетется и поправлять труды ученаго возьмется.“

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался.

Такъ начинается басня „Мѣшокъ.“ Къ этому мѣшку привалило счастье: его набили червонцами, положили въ окованный ларецъ; всякъ, приходившій къ хозяину, смотрѣлъ на мѣшокъ съ умиленіемъ, поближе къ нему подсѣдалъ. Мѣшокъ завеличался, началъ о всемъ рядить и судить—,и то не такъ, и этотъ дуракъ; какую чепуху ни скажетъ мѣшокъ, всѣ только слушаютъ, разинувъ ротъ. Крыловъ при этомъ замѣчаетъ: „У людей, къ не-

счастью, тотъ порокъ, что имъ съ червонцами мѣшокъ что ни скажи, всему дивится станутъ.“ Но въ такой чести мѣшокъ былъ до-тѣхъ-поръ, пока изъ него не перетаскали всѣхъ червонцевъ. Когда червонцевъ не стало въ мѣшкѣ, то его выбросили. Басню свою Крыловъ относитъ къ нечаянно разбогатѣвшимъ людямъ. До богатства они рѣдко въ карманѣ рубль имѣли, а другіе, можетъ быть, въ подносчикахъ сидѣли, — разбогатѣвъ, стали величаться, да съ графами и князьями знаться. „Велико дѣло—милліонъ!“ восклицаетъ нашъ дѣдушка....

Пусть себѣ „милліонъ—велико дѣло!“ Но если милліонъ велико дѣло, то какъ-же долженъ быть великъ нашъ дѣдушка, который изъ такихъ пустыхъ, повидимому, вещей, каковъ мѣшокъ, извлекаетъ столь чудные уроки для всѣхъ насъ! Умъ, да притомъ умъ Крыловскій, надо полагать, выше всякихъ милліоновъ. Этотъ глубокій умъ не выбросишь, какъ негодную ветошь. Проходятъ десятки лѣтъ, пройдутъ цѣлыя сотни лѣтъ, а умъ Крылова дѣдушки будетъ все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ Русскаго человѣка.

Но погодимъ пока восхищаться нашимъ единственнымъ дѣдушкою. Вѣдь мы еще не кончили обзора басенокъ, написанныхъ имъ по поводу простыхъ, обыкновенныхъ вещей, встрѣчаемыхъ въ нашемъ повседневномъ быту. Я сдѣлалъ-бы большой грѣхъ, если бы не обратилъ вниманія вашего еще на одну басенку, поводомъ къ написанію которой былъ самый обыкновенный, будничній предметъ, — такой будничній предметъ, что многіе его постоянно въ карманахъ носятъ. Я хочу сказать о баснѣ: „Гребень.“

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый Гребешокъ.

Ребенокъ не выпускаетъ изъ рукъ гребня ни тогда, когда играетъ, ни тогда, когда твердитъ урокъ изъ азбуки

Свои всё кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
И мягкія, какъ тонкій ленъ,
Любуясь, гребешкомъ расчесываетъ онъ.

И что за гребешокъ? Не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.

Случись, что гребешокъ пропалъ; дитя долго не чесалъ волосъ; волоса всклокочилъ копной; лишь няня захочетъ причесать волоса, дитя кричитъ; онъ желаетъ свой гребень найти. Нашелся потерянный гребень; начинаютъ чесать имъ волоса—, не тутъ-то было: прежній гребень „волосы деретъ до слезъ.“ Мальчикъ злится. Гребешокъ внушаетъ ребенку, что онъ, гребень, все тотъ-же, да голова мальчика не та. Прежде она была съ мягкими волосами, а теперь со всклоченными. Ребенокъ не слушается внушеній гребня и съ досады бросаетъ его въ рѣку. Изъ этой прекрасной басни Крыловъ выводитъ слѣдующее нравоученіе:

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ.
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ, и принимаютъ:
Но только сталъ кривить душей,
То правду далѣ отъ ушей.
И всякой, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ всклочетъ.

Или же увидитъ дѣдушка Крыловъ двѣ бочки. Кто изъ насъ не видитъ чуть не ежедневно бочекъ, простыхъ, обыкновенныхъ бочекъ. У насъ эти бочки, можетъ быть, не пробуждаютъ особенныхъ *назидательныхъ* мыслей, а у Крылова при взглядѣ на бочки раждаются высокія, полезныя для всѣхъ, мысли. „Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ, другая пустая.“ Первая тихонько плелась, шашкомъ; другая вскачь катилась, грохотала по мостовой, подымала пыль; увидавъ ее, прохожій останавливался по-неволѣ. Но какъ ни гремѣла бочка все, она была пустая, а другая, не гремѣвшая по мостовой, была съ виномъ. Отсюда Крыловъ заключаетъ, что „кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку, въ томъ, вѣрно, мало толку“.

Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Указанныхъ примѣровъ достаточно, дабы видѣть, какъ нашъ знаменитый баснописецъ умѣлъ извлекать спасительные для всѣхъ уроки изъ предметовъ самыхъ простыхъ, повседневныхъ, будничныхъ.

Повседневные предметы, буднишніе, судя сравнительно, являются дѣйствующими лицами въ немногихъ басняхъ Крылова. Для назиданія Русскому народу, а съ нимъ и всему человѣчеству, нашъ дѣдушка призвалъ къ себѣ подъ перо разныхъ животныхъ, разныя растенія, камни, мало того: онъ призвалъ самыя стихіи, т. е. огонь, воду, вѣтеръ.

Все видимое нами въ природѣ избирается Крыловымъ для наставленія человѣку. Туча проносится, и ту онъ беретъ подъ перо и заставляетъ учить Русскаго человѣка. Тѣнь пробѣгаетъ, онъ и ее останавливаетъ и ей даетъ языкъ, дабы отъ нея Русскій человѣкъ вынесъ себѣ пользу. Бумажный змѣй запустилъ мальчикъ, дѣдушка и бумажнаго змѣя пристегаетъ къ баснѣ, заставляя и его учитъ Русскаго человѣка уму-разуму.

Какія же истины нашъ дѣдушка высказывалъ въ своихъ басняхъ? Чему онъ училъ своихъ современниковъ и какіе даетъ уроки намъ, потомкамъ?

Высокія, самыя полезныя для благосостоянія общества и государства истины выражалъ Крыловъ въ своихъ прелестныхъ басняхъ.

Мысль о благодѣтельномъ дѣйствіи образованности неоднократно занимала дѣдушку Крылова. Этого важнаго вопроса онъ касается въ двухъ басняхъ: „Водолазы“ и „Червонецъ.“ Въ первой баснѣ устами одного пустынника, бесѣдующаго съ царемъ, онъ ясно говоритъ, что ученье бываетъ „многихъ благъ причина“; во второй баснѣ, изображая просвѣщеніе подъ видомъ червонца, уже тѣмъ самымъ возвышаетъ его. Кому, въ самомъ дѣлѣ, червонецъ не дорогъ! И дитяти понятно, что золото—дорогой, благородный металлъ; а просвѣщеніе, по самому названію уже басни, сравнивается съ

червонцемъ. Подымая весьма важный вопросъ о просвѣщеніи народа, Крыловъ объ одномъ заботился, чтобы ученіе, ложно понятое, не испортило нрава людскаго, не измѣнило добрыхъ свойствъ человѣка.

Нашъ дѣдушка всегда стоялъ на сторонѣ ума; онъ постоянно указывалъ на необходимость давать большее уваженіе умному человѣку. Права ума онъ защищаетъ, между прочимъ, въ басняхъ: „Бритвы“ и „Музыканты.“ Прелестная басня „Бритвы“ ясно говоритъ, что Крыловъ любилъ умныхъ людей и желалъ имъ дать больше дѣятельнести въ обществѣ. Въ баснѣ разсказывается, какъ однажды нѣкій господинъ брился тупою бритвою. Мучился страшнымъ образомъ несчастный брадобрѣй: вскрикивалъ, охалъ, вздыхалъ, сквозь слезы у зеркала морщилъ рожу, „какъ будто-бы съ него содрать сбирались кожу.“ Оказалось, что онъ брился не бритвами, а косарями, которыми въ деревняхъ лучину щиплютъ. Страдалецъ, на вопросъ своего пріятеля, отвѣчалъ, что онъ не брѣется острыми бритвами изъ боязни обрѣзаться ими.

А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

На смыслъ басни „Бритвы“ указываетъ самъ Крыловъ:

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ-ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей—боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

Въ этой баснѣ Крыловъ прямо становится на сторону ума. На сторону ума онъ становится и въ другой баснѣ „Музыканты.“ Зазвалъ сосѣдъ сосѣда откушать, но умыселъ другой тутъ былъ: хозяинъ пригласилъ хоръ пѣвчихъ и заставилъ ихъ пѣть. Хоръ грянулъ. Но, Боже, что это было за пѣніе! „Кто въ лѣсъ, кто по дрова, въ ушахъ у гостя затрещало и закружилась голова.“ Гость просилъ хозяина поберечь его здоровье,

велѣть пѣвчимъ прекратить вздорное пѣніе. Хозяинъ такъ отвѣчалъ своему сосѣду:

„Они (пѣвчіе) немножечко дерутъ, зато ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ.

И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.“

Въ словахъ хозяина заключилъ баснописецъ главную мысль своего замысловатаго разсказа. Поведеніе доброе ничего не значитъ, когда пѣвчіе поютъ: тутъ надо умѣнье, искусство, а не поведенье. Отъ музыкантовъ преенеситесь къ нашей общественной жизни и вы увидите, что въ ней является многое, подобное мнѣнію хозяина. Очень часто обращаютъ вниманіе не на умъ, не на умѣнье вести дѣло, а на поведеніе. Крыловъ отвѣчаетъ такимъ людямъ:

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

Указывая на пользу науки, или *ученья*, защищая права разума, становясь на сторону умнаго человѣка, Крыловъ въ то же время преслѣдовалъ невѣжество, тупоуміе, подъ разными ихъ видами. Невѣжество умственное, необразованность есть страшное зло въ обществѣ; они пораждаютъ тьму бѣдъ въ быту гражданскомъ и семейномъ. Дѣдушка Крыловъ понималъ очень хорошо, какія печальныя послѣдствія проистекаютъ отъ невѣжества умственнаго, отъ всякаго рода тупоумія и потому написалъ цѣлый рядъ басенъ на эту матерію. Для примѣра указываемъ на слѣдующія басни: „Пѣтухъ и жемчужное зерно“, „Оселъ и Соловей“. „Свинья подъ дубомъ.“

Разрывая навозную кучу, пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно. Оно не понравилось пѣтуху; пѣтухъ изумлялся, почему жемчужное зерно такъ дорого цѣнится; по его мнѣнію, зерно ячменное гораздо выше, гораздо цѣннѣе: „оно не столь хоть видно, да сытно.“ Крыловъ заключаетъ басенку о „Пѣтухѣ и жемчужномъ зернѣ“ слѣд. словами:

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Сколько въ нашей жизни случается видѣть людей, которые разсуждаютъ подобно Крыловскому пѣтуху!

Прекрасная басня „Оселъ и Соловей“, которую чаще всего изучаютъ въ школахъ, разсказываетъ о встрѣчѣ осла съ соловьемъ. Оселъ проситъ соловья пропѣть, дабы онъ, оселъ, самъ могъ посудить о пѣньѣ соловья. Соловей запѣлъ:

Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Восхитительному пѣнію соловья внимало все:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.

Пастухъ, самъ пастухъ, притаилъ дыханіе. Когда соловей окончилъ свое очаровательное, изумившее всю природу, пѣнье, тогда оселъ сталъ произносить надъ нимъ свой приговоръ:

Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно,“ говоритъ: „сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашиимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.“

Соловей отъ такого ослинаго разсужденія улетѣлъ за тридевять полей... Сильнѣе осмѣивать тупоуміе, кажется, невозможно. Только дѣдушка Крыловъ, извѣдавшій на своемъ вѣку многое, видѣвшій, въ теченіи своей продолжительной жизни, разныхъ невѣждъ, разныхъ тупоумцевъ, могъ такъ зло преслѣдовать ихъ въ прелестной баснѣ „Оселъ и соловей.“

Переходимъ къ превосходной баснѣ: „Свинья подъ дубомъ.“ Въ числѣ двухъ сотъ басенъ,—„Свинья подъ дубомъ“ составляетъ своего роду перлъ, или лучше:

ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

бриллiантъ. Такiя басни — настоящее сокровище и по мысли, и по разсказу, и по языку. Я позволю себѣ прочитать предъ вами всю эту басню съ начала до конца:

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей до-сыта, до-отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
„Вѣдь это дереву вредитъ,“
Ей съ дубу воронъ говоритъ:
„Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.“
— „Пусть сохнетъ,“ говоритъ Свинья:
Ни чуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.“
—„Неблагодарная!“ примолвилъ Дубъ ей тутъ.“
Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ.“
Невѣжда такъ-же, въ ослѣпленьѣ,
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Преслѣдуя невѣжество съ такою силою, показывая его въ такомъ безобразномъ видѣ, Крыловъ, очевидно, питалъ въ душѣ глубокую любовь къ благимъ послѣдствiямъ просвѣщенiя, къ ученымъ трудамъ, или по-просту—къ ученью. Баснею своею „Свинья подъ дубомъ“ дѣдушка нашъ съ поразительною наглядностiю и неотразимою убѣдительностiю говоритъ, что невѣжда, неучъ самъ себѣ вредитъ, самъ на себя налагаетъ руку, самъ у себя отымаетъ кусокъ насущнаго хлѣба, самъ подрываетъ корни дуба, плоды котораго даютъ ему дневное пропитанiе...

Коли невѣжество такъ пагубно, что отличныя деревья, подобныя дубамъ, падаютъ, а прекрасныя пѣвчiя птицы, подобныя соловушкамъ, улетаютъ отъ насъ за

тридевять полей,—если главное достоинство человѣка заключается въ умѣ, въ дарованіи: то чѣмъ же развивать умъ человѣка? чѣмъ прогонять невѣжество?

На эти вопросы нашъ дѣдушка даетъ ясные отвѣты во многихъ своихъ басняхъ. *Басня „Прудъ и Рѣка“* говоритъ намъ, что необходима человѣку постоянная дѣятельность, непрерывный трудъ, дабы его умственныя силы не заглохли, дабы дарованія, таланты, находящіеся въ его душѣ, не покрылись плѣсенью и тиною, какою покрывается стоячая вода въ прудѣ. Указанная басня содержитъ въ себѣ весьма поучительный урокъ. Его всѣмъ намъ, Русскимъ людямъ, надо приложить къ сердцу какъ можно ближе. Послушайте разговоръ между прудомъ и рѣкою! Прудъ говоритъ рѣкѣ: неужли ты, сестрица, не устанешь? какъ на тебя ни взглянешь, все твои воды текутъ; постоянно плывутъ по твоимъ струямъ то тяжелыя суда съ грузомъ, то долговязые плоты, то несутся лодки, челноки: я, продолжаетъ прудъ, высохъ бы съ тоски, если бы велъ такую жизнь. То ли дѣло--мой жребій!..

Въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ—,

по мнѣ, разсказываетъ прудъ, когда — когда зазыблется листокъ; я веду жизнь беззаботную и философствую сквозь сонъ.

А, философствуя, ты помнишь ли законъ?
Рѣка на это отвѣчаетъ:
„Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ.

Я стала великою рѣкой лишь потому, что послѣдую этому уставу. Я движусь постоянно: это правда, —

За то по всякій годъ
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу.

Далѣе рѣка сказала своему сосѣду, что она будетъ течь цѣлые вѣка, тогда, когда о прудѣ никто и не

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

вспомянетъ. Слова рѣки сбылись: она и теперь течетъ, тянется по географической картѣ отъ верху до низу, подобно Волгѣ-матушкѣ, кормилицѣ милліоновъ народа, а—прудъ?

А бѣдный прудъ годъ отъ году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

Нравоученіе изъ этой басни весьма ясно. Но мы приведемъ его словами Крылова:

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

Лѣность — нашъ національный порокъ. Сколько у насъ всякому предстоитъ дѣла и дѣла постояннаго, а много ли у насъ дѣятелей! На всѣхъ поприщахъ жизни, по лицу всей земли Русской, замѣчается лѣнь, праздность, нежеланіе дѣлать общее дѣло, а отъ этой лѣности, которую народная пословица называетъ матерью всѣхъ пороковъ, сколько гибнетъ дарованій, сколько талантовъ пропадаетъ безъ пользы для себя и для общества! Рѣкъ много на Руси, но еще больше, надо полагать, прудовъ, заволоченныхъ тиной, зацвѣтшихъ, заросшихъ осокой и совсѣмъ изсохшихъ. Потому-то я и сказалъ, что басня „Рѣка и Прудъ“ должна быть приложена къ сердцу особенно близко. Къ случаю укажу вамъ на одно сочиненіе Русскаго князя, жившаго въ XII в. (за семьсотъ лѣтъ почти до насъ жившаго), по имени Владиміра Мономаха. Онъ, названный страдальцемъ за Русскую землю, оставилъ поученіе дѣтямъ. Замѣчательно въ этомъ прекрасномъ поученіи то, что Владиміръ Мономахъ пять разъ напоминаетъ своимъ дѣтямъ, чтобы они не лѣнились: Бога дѣля (т. е. ради Бога) не лѣнитеся,—вопіетъ семидесятилѣтній князь,—Бога дѣля не лѣнитеся: лѣнощами бо человѣкъ погибаетъ, т. е. отъ лѣности человѣкъ погибаетъ. Такъ го-

ворилъ древній Русскій князь почти за семьсотъ или шестьсотъ лѣтъ до дѣдушки Крылова. Вѣроятно, Русскій человѣкъ упорно держится своихъ національныхъ недостатковъ.

Видя пагубныя послѣдствія лѣности, Крыловъ неоднократно въ своихъ басняхъ толковалъ о необходимости труда.

Басня „Орелъ и Пчела“ переноситъ васъ въ улей со пчелами. Тысячи пчелокъ трудятся надъ сотами, наполняя ихъ свѣжимъ, душистымъ медомъ; завидѣлъ одну изъ тысячи трудолюбивыхъ пчелъ орелъ, ширяющійся въ небесахъ, всѣмъ видная, большая, царственная птица и удивляется пчелкѣ, изъ-за-чего та, бѣдная, бьется, изъ-за-чего трудится, когда никто не можетъ отличить именно *ея* работы. Умная трудолюбивая пчелка, отвѣчаетъ орлу:

Я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,

Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и *моего* хоть капля меду есть.

Эта превосходная басня поучаетъ, что мы должны трудиться не ради славы, не ради почестей, а ради общей пользы. Трудъ безвѣстный, но постоянный,—трудъ скромный, но непрерывный: таковъ смыслъ замысловатаго разсказа Крылова объ „Орлѣ и Пчелѣ“. По лицу земли Русской можно найти широкое примѣненіе этой басни. Представляется вамъ захолустье Россіи, лежащее далеко-далеко отъ желѣзной дороги: тамъ чинитъ свой судъ и расправу судья. Въ его камеру приходитъ все простой, деревенскій людъ; никогда, можетъ быть, не заглянетъ туда важная особа, а судья судитъ да судитъ, и мало-по-малу развиваетъ въ своемъ захолустьи уваженіе къ закону, уваженіе къ правдѣ и совѣсти: этотъ судья—та же Крыловская пчела, трудящаяся надъ цвѣткомъ и несущая свою каплю меду въ общій сотъ... А вотъ вамъ другая Крыловская пчела: это—народный учитель; стоитъ за горами, за долами, за широкими полями деревня, изъ бревенчатыхъ избъ состоящая; на лавкахъ за столомъ сидятъ крестьянскія дѣти; напрягая всѣ свои способности

ТРУДОЛОВИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

и силы, народный учитель желаетъ научить ихъ читать и писать; учитель переноситъ разныя невзгоды своей судьбы; онъ бьется, какъ рыба объ ледъ, желая засвѣтить хоть маленькій огонекъ грамотности, въ томъ околодкѣ, гдѣ жребій судилъ ему быть учителемъ. Развѣ этотъ народный учитель—не та же Крыловская пчела, ищущая не отличать свои работы, а трудящаяся ради общей пользы? Судья, чинящій судъ и расправу въ захолустьѣ Россіи, и народный учитель, завѣдующій деревенской школой, сравнительно судя, еще замѣтныя должности. Есть должности, есть обязанности, еще менѣе извѣстныя, еще болѣе скромныя. Пчела, трудящаяся надъ цвѣткомъ и лѣпящая общій сотъ, это—мать, добрая, заботливая, живущая гдѣ-нибудь въ подвалѣ, или на чердакѣ большаго дома и учащая кучу бѣдныхъ дѣтей изъ-за мѣднаго гроша грамотѣ, или какому-нибудь ремеслу. Почтенъ тотъ, скажетъ мы словами баснописца,

Кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей они трудятся.

Повторяемъ еще разъ, что мысли о пользѣ труда неоднократно занимали Крылова. Басня „Трудолюбивый Медвѣдь“ написана на ту же матерію. Эта басня наставляетъ насъ, что при трудѣ необходимо терпѣніе. Медвѣдь, увидя, что мужикъ гнетъ дуги и прибыльно сбываетъ ихъ съ рукъ, задумалъ самъ попробовать то же ремесло. Началъ дѣло: наломалъ орѣшнику, березнику и вязу страсть какъ много, а не могъ согнуть ни единой дуги. Идетъ къ мужику и проситъ совѣта:

Деревья таки я ломать могу,

А не согнулъ ни одного въ дугу. Медвѣдь желаетъ знать, въ чемъ тутъ главное дѣло? „Въ терпѣньѣ“, ему отвѣчаетъ мужичекъ, а этого-то терпѣнья и недоставало куму мишкѣ: значитъ при всякомъ трудѣ необходимо еще терпѣніе. Тяпъ да ляпъ не будетъ корабль, гово-

ритъ Русская пословица. Такъ и трудъ не вдругъ доставляетъ человѣку извѣстную долю благосостоянія, довольство, маленькую независимость: все со временемъ. Дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ, учитъ насъ дѣдушка Крыловъ басенкою „Трудолюбивый медвѣдь“.

Въ обществѣ есть много людей, трудящихся попустому, т. е. такихъ людей, которые трудятся совершенно безполезно; трудъ ихъ ни имъ самимъ, ни обществу не приноситъ никакого плода. Только время тратятъ, убивая свои силы на пустяки! Крыловъ, желая пояснить Русскому человѣку, каковъ долженъ быть трудъ истинный, написалъ двѣ басни: „Обезьяна“ и „Бѣлка“. Обезьяна увидѣла на полѣ мужичка, который до пота трудился надъ своей нивой; обезьяна замѣтила, что проходящіе мимо труженика-пахаря хвалятъ его упорный трудъ: стало завидно обезьянѣ; ей самой захотѣлось заслужить похвалъ. Вотъ она тоже задумала трудиться: „нашла чурбанъ и ну надъ нимъ возиться!“

Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочитъ, то покатитъ“.

Съ нея рѣкою льется потъ, а у мужичка градомъ потъ. Обезьяна устала, умучилась, насилу дышитъ, „а все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ“. Нравоученіе этой басенки весьма, кажется, ясно: трудъ долженъ быть разумный, осмысленный. Когда въ трудѣ будетъ смыслъ, разумъ, ясно сознанная цѣль,—тогда онъ принесетъ или пользу, или забаву, удовольствіе.

А то вотъ бѣлка въ колесѣ тоже вѣдь трудится, все бѣгаетъ да бѣгаетъ,—а что толку въ ея трудѣ, въ ея бѣготнѣ? Съ бѣлкой въ колесѣ Крыловъ сравниваетъ дѣльца, который

Хлопочетъ, мечется, ему дивятся всѣ:
Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не поддается,
Какъ бѣлка въ колесѣ.

Пояснивъ многими баснями, что трудъ долженъ быть постоянный,—что трудъ долженъ быть скромный, терпѣливый и полезный,—дѣдушка Крыловъ указывалъ на гибельныя послѣдствія лѣности, праздности, бездѣльничанья. Кому неизвѣстна басенка „Стрекоза и Муравей“? Дѣти, неумѣющія еще читать и писать, уже лепечутъ: „Попрыгунья стрекоза лѣто красное пропѣла“. Пришла зима; у стрекозы не оказалось въ запасѣ дневнаго пропитанія; она ползетъ къ муравью и проситъ пищи: муравей спрашиваетъ:

„Да *работала* ль ты въ лѣто“.

Стрекоза отвѣчаетъ:

„До того-ль, голубчикъ, было?“ Въ мягкихъ травахъ она все пѣла и рѣзвилась. Тогда муравей отказываетъ кумушкѣ въ пищѣ. Онъ говоритъ стрекозѣ:

„Ты все пѣла? Это дѣло:
Такъ поди же попляши!“

Басня учитъ, что не надо быть лѣнивымъ, надо работать все лѣто, чтобы зимой не голодать. Наши нѣкоторые писатели и воспитатели (педагоги) нѣкогда находили, что эта басня не совсѣмъ нравственна; не совсѣмъ она нравственна, говорятъ писатели и воспитатели, потому, что можетъ породить въ душѣ дитяти, которое учитъ басню про „Стрекозу“, жестокосердіе, нелюбовь къ ближнему. „Просящему у тебя дай“, сказано въ Свящ. Писаніи. Мы отвѣчали бы нашимъ писателямъ и воспитателямъ, что Свящ. Писаніе строго караетъ безпечныхъ, лѣнивыхъ. Оно, во-первыхъ, говоритъ, обращаясь къ праздному человѣку: „Иди ко мравію, о лѣнивый, и поревнуй пчелѣ!“ Это значитъ: лѣнивецъ! иди къ муравью и поучись у него дѣятельности,—или посмотри на пчелу и будь такъ, какъ она, трудолюбивъ. Во-вторыхъ Свящ. Писаніе прямо говоритъ „не трудивыйся, ниже да ястъ“. Это грозное ученіе значитъ: ты не хочешь трудиться, такъ нѣтъ тебѣ и хлѣба: не трудивыйся, ниже да ястъ.... Мы напомнили бы нашимъ мудрецамъ, осуждающимъ дѣдушку Крылова за басню „Стрекоза и Муравей“, что́ сказано нашему

праотцу въ раю? Что̀ сказано? *Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой*... Вотъ что сказано, первому человѣку на землѣ. Каждый изъ нихъ долженъ снискивать себѣ пропитаніе въ потѣ лица, съ великимъ и упорнымъ трудомъ. Кто забылъ эту священную заповѣдь, тотъ пусть на себя печалится, на себя ропщетъ, если у него нѣтъ ни алтына въ мошнѣ, ни куска хлѣба за пазухой... Нашему Русскому народу, среди котораго тысячи бродятъ праздныхъ людей, тунеядцевъ, лежебоковъ, увальней, байбаковъ, служащихъ бременемъ для общества, надо чаще и чаще надо повторять Крыловскія мысли о трудѣ,—о томъ, что всякому слѣдуетъ *все лѣто работать*, дабы, подобно стрекозѣ, не остаться безъ пищи и крова... Хвала тебѣ, дѣдушка Крыловъ, за твои басни о трудѣ!...

Хвала дѣдушкѣ Крылову и за тѣ басни, въ которыхъ онъ рѣшаетъ весьма важные общественные вопросы. Общественными вопросами называются такіе, которые касаются не одного какого-либо человѣка, а цѣлаго общества людей, или цѣлыхъ сословій. Въ государствѣ существуютъ разныя сословія; разныя сословія образуютъ общества, или изъ своей только среды, круга, или же изъ разной среды, разныхъ круговъ, разныхъ званій и состояній. Бѣда государству, если водворится между сословіями рознь, несогласіе, вражда. Это значитъ, что дѣти одного и того же обширнаго семейства озлобились другъ на друга, подняли камни братъ противъ брата. Государство—то же семейство, но только въ обширномъ размѣрѣ. Разныя сословія въ немъ должны жить дружно, въ согласіи, въ пріязни. Гдѣ складъ да ладъ, тамъ и Божья благодать, говоритъ прекрасная Русская пословица. Дѣдушка Крыловъ очень хорошо понималъ смыслъ этой Русской пословицы, когда составлялъ общественныя басенки, т. е. такіе замысловатые разсказы, въ которыхъ касался важныхъ вопросовъ, благоустрояющихъ общество. Къ числу такихъ басенъ относятся: „Пушки и Паруса“, „Листы и Корни“, „Мірская Сходка“.

Издавна въ нашей матушкѣ Россіи сложилось несогласіе между военнымъ сословіемъ и гражданскимъ. Во-

енное сословіе, блескомъ побѣдъ и цѣною своей крови пріобрѣвшее славу нашему отечеству, гордилось не въ мѣру своими. дѣйствительно, важными заслугами. Излишняя неумѣренная гордость особенно стала отличать военнаго человѣка послѣ войны 1812 года, когда величайшій полководецъ въ мірѣ, самъ Наполеонъ первый, слывшій за антихриста въ народѣ, гроза всей Европы,— былъ прогнанъ храбрыми нашими войсками изъ Россіи, со всею своею громадною арміею. Послѣ такого славнаго. міроваго событія, наши военные люди особенно завеличались, заважничали передъ мирными гражданскими чинами. Дѣдушкѣ Крылову больно было видѣть такой непорядокъ, такое недружелюбіе, такую разладицу,—и вотъ онъ пишетъ басню: „Пушки и Паруса“, одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній Русскаго слова, нашей родной рѣчи.

На кораблѣ у пушекъ съ парусами поднялась сильная вражда: пушки начали роптать передъ небомъ, какъ это можетъ быть, чтобы паруса, „ничтожное холстинное творенье“, могли равняться въ пользахъ съ пушками? Что дѣлаютъ паруса? Они, во время вѣтра, надувъ спѣсиво грудь, несутся по океану, и лишь только величаются, а „мы--громимъ въ бояхъ“. Нами, т. е. пушками, грозенъ корабль; мы, т. е. пушки, разносимъ повсюду страхъ и смерть. Пушки не желаютъ вмѣстѣ съ парусами жить на кораблѣ; онѣ просятъ сѣверный вѣтеръ скорѣй дохнуть и изорвать паруса, это „ничтожное холстинное творенье“. въ куски. Сѣверный вѣтеръ послушался ропота пушекъ:

Летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой облака;
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей (сѣв. вѣтеръ) реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса...

Наконецъ непогода утихла. Корабль остался безъ парусовъ въ самомъ плачевномъ положеніи: онъ сталъ

„игрушкой и вѣтровъ и валовъ, подобно колодѣ“. Когда же непріятель всѣмъ бортомъ страшно грянулъ, то нашъ корабль былъ недвижимъ; непріятельскія пушки сдѣлали его похожимъ на рѣшето, и скоро онъ „какъ ключь“ ко дну пошелъ. Прекрасная басня „Пушки и Паруса“ имѣетъ слѣдующее нравоученіе:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ врагамъ она сильна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

Такія благодѣтельныя для общества и народовъ истины открывалъ въ своихъ умныхъ басенкахъ нашъ безцѣнный дѣдушка Крыловъ! Онъ хотѣлъ водворить согласіе, ладъ между разными сословіями великаго Русскаго царства; онъ желалъ, чтобы они уважали другъ-друга и поддерживали одно другое, ради блага общей нашей матери—Россіи.

Басенкою „Листы и Корни“ нашъ ненаглядный и вѣчнопамятный дѣдушка хотѣлъ поселить миръ и доброе согласіе между высшимъ сословіемъ въ государствѣ и низшими его классами, между благороднымъ дворянствомъ и чернымъ крестьянствомъ. Древесные листья хвалились своею зеленостью, густотою, величавостію, а сверхъ того и пользою, которую они во время зноя солнечнаго приносятъ человѣку, именно: они даютъ тѣнь прохожему, когда солнце печетъ его своими огнистыми лучами. Когда такимъ образомъ листья на деревѣ хвастались, тогда голосъ изъ-подъ земли раздался, голосъ смиренный, кроткій, робкій, но правдивый. Этотъ голосъ говорилъ: „примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ“. Листы, заслышавъ подземный голосъ, залепетали и зашумѣли еще громче, еще сильнѣе по дереву. Имъ хотѣлось слышать, кто такъ нагло и надменно можетъ говорить изъ-подъ земли о какой-то благодарности, о какомъ-то „спасибо“. Кто же изъ-подъ земли говорилъ? Изъ-подъ земли смиренно, но съ достоинствомъ, говорили Корни.

„Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Уже-ль не узнаете?
Мы *корни* дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ.

Къ этой замысловатой баснѣ Крыловъ не прибавилъ никакого нравоученія, ибо нравоученіе понятно само по себѣ изъ всего разсказа басни. Дѣдушка хотѣлъ напомнить дворянскому сословію, а можетъ быть и всѣмъ другимъ зажиточнымъ классамъ, о важности земледѣльческаго сословія, о крестьянинѣ - пахарѣ, который, подобно корнямъ дерева, въ „темнотѣ роется", въ землю полагаетъ всѣ свои трудящіяся силы и тѣмъ самымъ даетъ хлѣбъ какъ себѣ, такъ и другимъ сословіямъ. Кусокъ хлѣба—чернаго или бѣлаго—всѣмъ сословіямъ необходимъ, а онъ, этотъ кусокъ, выростаетъ на землѣ въ видѣ колоса ржанаго или пшеничнаго, благодаря мужичку-простачку-сѣрячку, который со своею сохою и бороною день-деньской „роется" себѣ „въ темнотѣ" да роется по широкимъ и необозримымъ Русскимъ полямъ... Ту же самую мысль о важности для государства черной работы крестьянина-пахаря выражаетъ одна Русская пословица: „не будетъ пахатника, не станетъ и бархатника". Вотъ вамъ тѣ же „Листы и Корни"...

Въ числѣ общественныхъ басенъ Крылова весьма видное мѣсто должна занимать басня: „Мірская сходка". Въ высшей степени замѣчательно начало этой басни:

„Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку".

Послѣ такого начала, которое всякаго заставитъ задуматься, дѣдушка начинаетъ свой замысловатый раз-

сказъ про волка, который у льва просился въ овечьи старосты. Кумушка-лисица замолвила словечко у львицы въ пользу волка. Левъ, зная, что про волка идетъ худая молва повсюду, положалъ созвать „звѣриный весь народъ на общій сходъ“. Звѣри собрались, голоса собраны по чину, но противъ волка никто не подалъ ни единаго слова, и велѣно посадить волка въ овчарню, дабы онъ былъ тамъ овечьимъ старостою. Баснописецъ потомъ пишетъ:

„Да что̀ же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужь, вѣрно, были?
Вотъ то̀-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить“.

Эта басня, какъ вы сами видите, очень язвительна. Язвительныхъ басенъ у Крылова не мало. Дабы познакомить слушателей съ этою стороною таланта дѣдушки, прочтемъ басенку подъ названіемъ „Медвѣдь у пчелъ:“

Когда-то, о веснѣ, звѣрями
Въ надсмотрщики Медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.
Хоть можно-бъ выбрать тутъ другаго по-вѣрнѣй,
Затѣмъ, что къ меду Мишка падокъ,
Такъ не было бъ оглядокъ;
Да, спрашивай ты толку у звѣрей!
Кто къ ульямъ ни просился,
Съ отказомъ отпустили всѣхъ,
И, какъ на смѣхъ,
Тутъ Мишка очутился.
Анъ вышелъ грѣхъ:
Мой Мишка потаскалъ весь медъ въ свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По формѣ нарядили судъ,
Отставку Мишкѣ дали
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старый плутъ.
Рѣшили, справили, скрѣпили;
Но меду всё не воротили.
А Мишенька и ухомъ не ведетъ:

МЕДВѢДЬ И ПЧЕЛЫ.

Со свѣтомъ Мишка распрощался,
Въ берлогу теплую забрался,
И лапу съ медомъ онъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

Басня „Медвѣдь у пчелъ“ обличаетъ разные наши недостатки на служебномъ поприщѣ, на судебныхъ мѣстахъ. Крыловъ не щадилъ разныхъ злоупотребленій, которыми страдала общественная жизнь въ его время. Онъ не смотрѣлъ на лица и мѣста, и званія. Гдѣ только замѣтитъ, что дѣло не ладно, что слабый человѣкъ страдаетъ отъ сильнаго, онъ сейчасъ принимается сочинять басенку, высказывая прямо, что „истина сноснѣе вполоткрыта“. Вотъ и видимъ въ басняхъ его, что Лисица просится судьею въ курятникъ,—Слонъ, сдѣлавшись воеводой, позволяетъ волкамъ снять съ овецъ только по одной шкуркѣ, а больше не трогать волоскомъ,—Щука, подвергнутая суду, за то, что отъ нея въ прудѣ не было житья, по рѣшенію суда, утоплена была въ рѣкѣ.

Чтобы не было въ обществѣ грустныхъ порядковъ, подобныхъ указаннымъ выше, надо позаботиться о развитіи въ немъ добрыхъ нравовъ, добрыхъ навыковъ. Крыловъ заботился о развитіи добрыхъ нравовъ въ нашемъ обществѣ. Внимательное чтеніе басенъ его ясно покажетъ, что онъ говорилъ о необходимости воспитанія съ юныхъ лѣтъ,—что онъ преслѣдовалъ корысть, гордость, взяточничество,—что онъ вооружался противъ всякаго рода притѣсненій, обидъ слабаго сильнымъ, противъ неправосудія, лести, клеветы; — внимательное прочтеніе басенъ Крылова ясно говоритъ, что онъ осуждалъ самолюбіе, чванство, предательство, безполезное богатство, скопидомство, скупость и всякаго рода низкія дѣла. Въ другихъ басняхъ дѣдушка говорилъ о томъ, что человѣкъ долженъ быть доволенъ своимъ состояніемъ, онъ долженъ уважать талантъ ближняго, творить добро безъ всякой *мзды*, творить добро въ молчаньи; Крыловъ желалъ внушить намъ любовь къ нашему отечеству. *Короче:* книга его басенъ есть одна изъ самыхъ поучительныхъ книгъ въ Россіи. У насъ

существуютъ двѣ книги, которыя имѣютъ особенную цѣну для народа: первая книга—„Сокровище Духовное, отъ міра собираемое“, соч. Св. Тихона Задонскаго. Въ этой книгѣ угодникъ Божій беретъ предметы отъ видимаго міра, напр. овца и волкъ, мечь надъ головою *висящій* и проч.,—составляетъ изъ этихъ предметовъ маленькія, въ одну—въ двѣ странички поученія и излагаетъ языкомъ самымъ простымъ. Эту книгу Св. Сvнодъ предлагалъ всѣмъ священникамъ читать въ церквахъ, какъ самую назидательную и доступную для всѣхъ книгу. Между мірскими книгами такое же значеніе имѣютъ басни Крылова. Онѣ тоже заимствованы отъ видимаго міра, тоже изложены простымъ, понятнымъ для всякаго языкомъ и сверхъ того весьма поучительны по своему содержанію.

Чтобы еще яснѣе видѣть, какъ поучительны басни Крылова, мы обратимъ вниманіе еще на одинъ отдѣлъ его басенъ, на басни *историческія*.

У Крылова есть нѣсколько историческихъ басенъ, т. е. такихъ, которыя придуманы имъ по случаю дѣйствительнаго историческаго событія. Люди, знавшіе лично Крылова, говорятъ, что *всѣ* басни его имѣютъ историческое происхожденіе. Было бы весьма поучительно открыть, по какому дѣйствительно случившемуся происшествію написаны всѣ *двѣсти басенъ* дѣдушки Крылова; но, къ несчастію, открыты только десять-двѣнадцать дѣйствительно бывшихъ происшествій, которыя дали поводъ написать ту или другую басню. Остановимся на нѣкоторыхъ басняхъ въ этомъ родѣ.

Басня „Волкъ на Псарнѣ“ написана въ 1812 году. Въ ней представлено вторженіе въ Россію Наполеона перваго.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ...

Тутъ сказано, что *„волкъ думалъ залѣзть въ овчарню“*. Наполеонъ шелъ на Россію, будучи вполнѣ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ. 10-го Іюня 1812 г. онъ отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ: „Солдаты! Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей“. Этотъ приказъ ясно говоритъ о самонадѣянности Наполеона; онъ думалъ видѣть со стороны Россіи безусловную покорность, „овчарню“, т. е. смиренныхъ и кроткихъ агнцевъ въ Русской землѣ.

Но вмѣсто овчарни волкъ попалъ на псарню... „Поднялся вдругъ весь псарный дворъ“, пишетъ Крыловъ. На самомъ дѣлѣ это значитъ, что вся Россія 1812 г. возстала противъ Наполеона: ополченіе было всеобщее. Ополчились шестнадцать губерній и выставили 220 тысячъ войска, а пожертвованій деньгами, припасами и поставками было сдѣлано около 60-ти милліоновъ рублей. „Поднялся вдругъ весь псарный дворъ“, говоритъ баснописецъ и говоритъ сладкую истину. Императоръ Александръ I —,манифестомъ отъ 18-го Іюля, призывалъ къ ополченію только 16 губерній, но сила любви къ родинѣ и негодованіе ко врагу ея, были столь велики, что положительно вся Россія готовилась къ борьбѣ. Кто не вступалъ въ ополченіе, тѣ дѣлали значительныя пожертвованія, но было много такихъ, которые вооружались и приносили пожертвованія на спасеніе родины. Россія 1812 года добровольно выставила, по призыву царя, до 320,000 воиновъ и принесла на общую пользу не менѣе ста милліоновъ рублей. Великое то было время!..

Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Въ минуту псарня стала адомъ.

Въ этихъ словахъ баснописца представляется весь ужасъ народнаго озлобленія противъ врага отечества. Народъ сталъ вооружаться съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ вошелъ въ Смоленскую губернію. Непріятеля преслѣдовали дворяне, духовные, мѣщане, крестьяне. „Въ *минуту* псарня стала адомъ“. Словомъ „въ минуту“ баснописецъ хочетъ указать на быстроту, съ ко-

торою Россія 1812 г. выступила противъ Наполеона. Исторія представляетъ намъ поразительные факты. Смоленскіе дворяне, лишь узнали о вступленіи непріятеля, изъявили желаніе выставить ополченіе до 20 тысячъ ратниковъ. Московское дворянство съ небольшимъ *въ мѣсяцъ* собрало 27 тыс. ополченцевъ, но оно предлагало 80 тысячъ... Мѣщанство и купечество Московское собрали по подпискѣ полтора милліона рублей въ *два* часа времени... Въ теченіи *нѣсколькихъ дней* купечество и граждане города Твери и прочихъ городовъ губерніи пожертвовали на ополченіе 308 тыс. рублей. Ополченіе Тульское въ 15 тыс. ратниковъ составлено въ *тридцать шесть* дней. Калужское купечество собрало 150 тыс. рублей въ *двое* сутокъ. Дворяне Калужскіе въ теченіи *мѣсяца* выставили ополченіе въ 15 тысячъ ратниковъ. Къ главнокомандующему приходили отроки просить оружія противъ Французовъ. Наконецъ принимали большое участіе въ народной войнѣ женщины: земледѣльческія работы исполнялись ими; онѣ же перевозили военныя тяжести. Народная память помнитъ старостиху Василису: женщина большаго роста, она вооружила другихъ женщинъ и однажды убила француза, надѣла его мундиръ и такимъ образомъ отбила цѣлую партію непріятельскую. Наполеонъ особенно потерпѣлъ отъ народныхъ ополченій, которыя не уважали дисциплины военнаго времени. Войска Французскія были терзаемы отъ народныхъ ополченій. Народныя ополченія подъ начальствомъ храбрыхъ вождей скрывались въ лѣсахъ, пропускали партію непріятеля и потомъ неожиданно нападали на врага. Тутъ уже не было пощады плѣнному. Дѣйствительно, Россія того времени стала для Наполеона „адомъ“. Императоръ Александръ I въ одномъ манифестѣ своемъ отъ 8-го Сентября 1812 года говоритъ: „Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. *Всеобщее, повсюду* видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуютъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограж-

даемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И да не унываетъ никто: и въ такое-ли время унывать можно, когда *всѣ сословія* государственныя дышатъ мужествомъ и твердостію".

Изобразивъ псарню адомъ, Крыловъ продолжаетъ:

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
„Огня" кричатъ: „огня!"

Здѣсь мы видимъ картину народнаго вооруженія. Кто бралъ вилы, кто—топоры, дубины, рогатины, косы.

Далѣе въ баснѣ говорится о переговорахъ, въ которые хотѣлъ вступить волкъ съ ловчимъ:

Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ;
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ въ переговоры
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ. совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ,
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю, что я....

Въ этомъ мѣстѣ басни Крыловъ говоритъ о предложеніи Наполеономъ міра.

Наполеонъ, послѣ взятія Москвы, двадцать дней ждалъ, что „Русскіе бояре" придутъ къ нему съ поклонною головою просить мира,—но жестоко ошибся... Главнокомандующій Русскими войсками, Кутузовъ не помышлялъ о мирѣ. укрѣпившись лагеремъ въ селѣ Тарутинѣ, Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда. Тогда Наполеонъ послалъ своего адъютанта съ письмомъ

къ Русскому главнокомандующему. Кутузовъ принялъ посла Наполеонова въ избѣ и между ними произошелъ разговоръ, весьма сходный съ тѣмъ, который велъ волкъ съ ловчимъ въ баснѣ Крылова. Сталъ посолъ предлагать размѣнъ плѣнныхъ: Кутузовъ на размѣнъ не согласился. Началъ посолъ жаловаться на неслыханныя жестокости, которыя производитъ народъ надъ плѣнными Французами. Кутузовъ отвѣчалъ: „Ежели бы я и желалъ измѣнить образъ мыслей въ народѣ, то я не могъ бы успѣть въ томъ, потому что Русскіе считаютъ сію войну нашествіемъ Татаръ, и я не въ состояніи перемѣнить понятія цѣлаго народа". Наконецъ посолъ сталъ говорить о мирѣ и припоминалъ дружбу, существовавшую между двумя Императорами—Наполеономъ и Александромъ. „Я, вашъ старинный сватъ и кумъ", пишетъ нашъ баснописецъ. Кутузовъ отвѣчалъ: „Не имѣю на то никакого наставленія; при отправленіи меня къ арміи и названія мира не упомянуто. Я подвергъ бы себя проклятію потомства, если бы сочли, что я подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію".

Извѣстно изъ исторіи, что главнокомандующій нашъ Кутузовъ отпустилъ Наполеоновскаго посла съ грозными для непріятеля словами. Кутузовъ сказалъ: „Государь запретилъ мнѣ даже произносить слова: *миръ* и *перемиріе*". У баснописца ловчій отвѣчаетъ волку, попавшему на псарню вмѣсто овчарни, такъ:

„Послушай-ка, сосѣдъ",
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой".
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Дѣйствительно: отъ мѣстечка Тарутина начались наступательныя дѣйствія Русскихъ войскъ, и — „шкуры съ волковъ были сняты", т. е. окончательно поражены непріятельскія силы, уничтожены, а главный волкъ спасся бѣгствомъ.

[illegible]

Басня „Волкъ на псарнѣ„ весьма живо представляетъ намъ нашествіе Наполеона I на Россію и великую борьбу съ нимъ нашего народа. Въ ловчемъ всякій узнаетъ Кутузова, и самъ Кутузовъ относилъ къ себѣ разсказъ дѣдушки Крылова. „По окончаніи сраженія подъ Краснымъ“ (уѣздный городъ Смол. губ.), говоритъ одинъ нашъ историкъ, „вечеромъ 6-го Ноября, князь Кутузовъ подъѣхалъ къ бивуакамъ гвардейскаго корпуса и былъ встрѣченъ генералами, офицерами и солдатами. Поздравивъ отборное войско съ побѣдою, онъ сказалъ: „Дѣти! знаете ли, сколько взято орудій? *сто шестьдесятъ.*“ Во время чая собравшимся гвардейцамъ онъ сказалъ: „Крыловъ сочинилъ басенку и разсказываетъ, какъ волкъ попалъ не въ овчарню, а на псарню. Увидя бѣду, пустился онъ въ переговоры и сталъ умолять о пощадѣ, но псарь сказалъ ему: *ты сѣръ*“... При сихъ словахъ князь Кутузовъ снялъ свою фуражку, и потрясая сѣдою головою, продолжалъ: *„а я, пріятель, сѣдъ.*“ Воздухъ потрясался отъ восклицаній гвардіи, замѣчаетъ историкъ войны 1812 года. Крыловъ своею собственною рукою переписалъ басню „Волкъ на псарнѣ„ представилъ рукопись супругѣ князя Кутузова, а она отправила ее къ своему мужу на поле сраженія, и вотъ мы видимъ, что подъ Краснымъ князь Кутузовъ разсказывалъ войску про басню „Волкъ на псарнѣ.“

Басня „Обозъ“ написана въ 1812 году и имѣетъ цѣлію оправдать планъ компаніи, который составили наши полководцы того времени—Барклай-де-Толли и князь Кутузовъ. Главная мысль плана, какъ воевать съ Наполеономъ I, состояла въ томъ, чтобы избѣгать рѣшительнаго сраженія, завлечь непріятеля во внутрь страны и медленнымъ путемъ ослабить его силы. Французское войско, при началѣ компаніи 1812 г. состояло изъ 446 тыс. человѣкъ, а Русское—изъ 193 тыс.: силы, какъ видите, были несоразмѣрны. Генералъ Барклай-де-Толли, первый главнокомандующій, принялъ планъ все отступать и отступать, по мѣрѣ приближенія Наполеона I.— Дѣдушка Крыловъ прелестно описалъ благоразумную медленность въ отраженіи непріятеля слѣдующими стихами:

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая.

Подъ Смоленскомъ армія желала вступить въ рѣшительную битву съ Наполеономъ: Барклай-де-Толли приказалъ отступать по дорогѣ къ Москвѣ. Армія и нѣкоторые генералы (напр. Багратіонъ) роптали. Генералъ Багратіонъ писалъ къ графу Аракчееву: „Вся армія плачетъ совершенно, и ругаютъ его на смерть. Не смѣлъ остаться съ 90-ю тысячъ у Смоленска. Охъ, грустно, больно! Никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь.“

Недовольство арміи и Багратіона медлительными дѣйствіями Барклая-де-Толли баснописецъ изображаетъ такъ:

А лошадь сверху молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится, какъ ракъ.
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо, криво!
Смѣлѣе! вотъ толчекъ опять:
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья.

Барклай-де-Толли, не обращая вниманія на ропотъ, выходившій отъ непониманія дѣла, продолжалъ идти по избранному пути. Передъ Дорогобужемъ (уѣздный гор. Смол. губ., отъ Смол. 86 верстъ) онъ снова думалъ дать сраженіе, но—отступилъ; передъ Вязьмою, отстоящею отъ Смоленска по дорогѣ къ Москвѣ во ста шестидесяти двухъ верстахъ, генералъ Барклай де-Толли сдѣлалъ еще отступленіе: все во имя общаго блага. Армія

негодовала на своего великаго, но тогда непонятаго, вождя. Народъ сталъ называть Барклая чуть не измѣнникомъ; его не Русская фамилія возмущала умы. Наконецъ Государь Александръ I назначилъ новаго главнокомандующаго, князя Кутузова, Русскаго и по фамиліи, ученика Суворова по военнымъ дѣламъ. Россія съ восторгомъ привѣтствовала его. Путь князя Кутузова до Царева-Займища (между Вязьмою и Можайскомъ), гдѣ тогда стояли наши войска, походилъ на торжественное шествіе: изъ церквей выходили съ иконами и хоругвями; изъ домовъ съ хлѣбомъ-солью: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ на себѣ везъ экипажъ Кутузова. Въ Гжатскѣ (уѣздный городъ Смол. губ., между Вязьмою и Москвою). увидя почетный караулъ у своей квартиры, Кутузовъ сказалъ: „можно ли съ такими молодцами отступать?“ Пронеслась по рядамъ арміи поговорка: „Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ.“ 17 Авг. новый полководецъ былъ уже при своей арміи. 18 Авг. войско находилось еще на своей позиціи при Царевѣ-Займищѣ; ожидали битвы... Но вдругъ данъ былъ приказъ *отступать*... Кутузовъ продолжалъ дѣло Барклая-де-Толли. „Обозъ“ опять „легонько“ сталъ спускаться съ крутой горы... Кутузовъ при Бородинѣ (село Моск. губ., въ 10-ти верстахъ отъ Можайска) рѣшился вступить въ битву съ Наполеономъ. Русскіе показали чудеса храбрости; они выдержали со славою и честію сраженіе, кровопролитнѣйшее въ лѣтописяхъ міра, удержали за собою позицію. Но главнокомандующій, послѣ явнаго успѣха боя, приказалъ все-таки отступать... Отдана была Москва безъ битвы. Содрогнулась Россія, но не потеряла довѣрія къ опытному вождю, кромѣ нѣкоторыхъ лицъ. Эти лица громко говорили противъ Кутузова. Среди генераловъ, окружавшихъ самого Кутузова, были многіе, не согласные съ образомъ его мыслей. Когда главнокомандующій, въ виду Москвы, созвалъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ: „сдать Москву безъ боя, или нѣтъ“. Барклай-де-Толли отвѣчалъ: „сдать безъ боя: мы не въ состояніи защитить столицу“. Нѣкоторые генералы были противнаго мнѣнія: они совѣтовали стоять за Москву до послѣдней крайности. Среди несогласія своихъ ге-

нераловъ, Кутузовъ сказалъ: „жертвую собою для спасенія отечества. Приказываю отступать“. Послѣдствія оправдали распоряженія Кутузова и Барклая-де-Толли. Въ ту самую минуту, когда наши войска *выходили* въ одну заставу изъ Москвы, непріятельская армія *вступала* другою заставою въ Москву. Послѣ всего, вышеизложеннаго, становится понятною басня Крылова: „Обозъ“.

„А лошадь сверху, молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ“.

Лошадь молодая, ругающая бѣднаго коня, изображаетъ всѣхъ, недовольныхъ распоряженіями Барклая и Кутузова.

Басня „Чижъ и Ежъ“, по разсказамъ современниковъ, написана во славу Императора Александра I, возвратившагося изъ Парижа, по низверженіи Наполеона. Возвращеніе Государя изъ Парижа было привѣтствуемо восторженными кликами всего Русскаго народа. Императрица Марія Ѳеодоровна, мать Александра I, построила въ нѣсколько дней въ городѣ Павловскѣ увеселительный домикъ, подъ названіемъ „Розовый Павильонъ“, въ которомъ она рядомъ торжествъ встрѣчала своего сына, водворившаго миръ въ Европѣ. Писатели того времени—Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій и пятнадцатилѣтній Пушкинъ величали въ задушевныхъ стихахъ побѣдителя Наполеона. Стихи Державина, которому было уже тогда около семидесяти лѣтъ отъ рожденія, носящіе названіе „на возвращеніе Императора Александра I“, били положены на музыку и пѣты въ Павловскѣ 17 Іюля 1814 г. у Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Пушкинъ, впослѣдствіи одинъ изъ величайшихъ Русскихъ стихотворцевъ, тогда еще учился въ Царско-Сельскомъ Лицеѣ,—но, возбужденный общимъ восторгомъ народа, тоже написалъ стихи въ честь Императора Александра. Въ одномъ мѣстѣ этихъ стиховъ Пушкинъ—отрокъ пишетъ:

THE EMPEROR ALEXANDER I.

Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется;
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ (площадямъ) шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И Ты среди толпы, Россіи божество!

Москва торжествовала взятіе Русскими войсками Парижа. Подъ бюстомъ Императора Александра огненными буквами горѣли стихи, сочиненные княземъ Вяземскимъ, и нынѣ еще живущимъ писателемъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему? какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ, онъ твой спаситель;
Россія! Имъ гордись. Онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Карамзинъ, извѣстный нашъ историкъ, оставилъ на время писаніе своей „Исторіи Государства Россійскаго", и написалъ стихи о славѣ Александра I... Въ такое ли время всеобщей радости было молчать нашему дѣдушкѣ? Нѣтъ; и онъ не молчалъ. Онъ, нашъ дѣдушка, по-своему высказалъ удивленіе и благодарность Императору Александру Павловичу: онъ сочинилъ басенку: „Чижъ и Ежъ". Эта басня малоизвѣстна; потому прочтемъ ее сначала до конца (она не велика):

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось
И не зачто; такъ какъ-то пѣлось.
Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей,
Фебъ (солнце) лучезарный изъ морей поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижъ замолкъ. — „Ты что-жъ",
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ:
„Пріятель, не поешь?
— „Затѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ".
Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ:
„А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю".

Такъ я *крушуся и жалѣю,*
Что „бо̀льшаго таланта“ мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бъ *Александра пѣлъ.*

„Фебъ лучезарный“, поднявшійся изъ-за морей,— это—Императоръ Александръ, возвращающійся изъ Парижа „въ блескѣ и во славѣ всей“. „Хоръ громкихъ соловьевъ“, раздавшійся въ густыхъ лѣсахъ, въ срѣтенье Фебу, — это — Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ со своими стихами въ честь Государя, побѣдившаго Наполеона I. „Робкій Чижъ“, уединенно чирикавшій на зарѣ и про себя, — это — нашъ Крыловъ, выбравшій для выраженія своихъ глубокихъ и мудрыхъ мыслей самую скромную оболочку, признаваемую всѣми дѣтскою, оболочку басни. “Сквозь слезъ Чижъ бѣдный“ отвѣчаетъ, почему онъ не поетъ въ честь солнца. Сознаніе своего смиренія, высказаннаго Чижемъ, весьма трогательно. Въ то время, когда Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій пишутъ большія стихотворенія во славу Александра, Крыловъ не сознаетъ въ себѣ достаточно силъ для совершенія подобнаго дѣла: онъ „голоса такого не имѣетъ“. Онъ больше чувствуетъ, нежели говоритъ. „Такъ я крушуся и жалѣю, что „большаго таланта“ мнѣ не дано въ удѣлъ“.

Сокрушеніе нашего дѣдушки непритворное, искреннее. Нашъ дѣдушка Крыловъ имѣлъ много причинъ быть благодарнымъ Государю Александру Благословенному. Какъ Русскій человѣкъ, онъ радовался возвращенію изъ Парижа побѣдителя Наполеона I. Кромѣ того, Крыловъ лично былъ облагодѣтельствованъ Его Величествомъ, и не разъ... Государь большія милости творилъ Крылову. Въ первый годъ службы Крылова въ Императорской Публичной Библіотекѣ (что на углу Невскаго и Садовой), 1811 года, Александръ I повелѣлъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, еще 1,500 р. ассигнаціи пенсіи изъ кабинета Его Величества. Въ 1813 году, когда Крыловъ задумалъ вновь издать свои басни, онъ получилъ отъ щедротъ Императора на изданіе четыре тысячи рублей.—Теперь намъ понятны искреннія слезы Крылова, которыми закипѣло

его сердце, когда Александръ I, его благодѣтель и благодѣтель всей Россіи, возвращался на родину изъ Парижа, какъ побѣдитель Наполеона, первѣйшаго полководца въ мірѣ...

Такъ я крушуся и жалѣю
Что „бо́льшаго таланта“ мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бъ Александра пѣлъ.

Къ числу историческихъ басенъ Крылова принадлежитъ еще прекрасная басня „Василекъ,“ на которую нельзя не обратить особеннаго вниманія. Она начинается такимъ образомъ:

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины.

Въ такомъ печальномъ положеніи Василекъ жалобно ропталъ вѣтерку о томъ, какъ бы хорошо было, если бы скорѣе насталъ день, взошло бы солнышко и оживило бы его. Заслышалъ жалобы Василька жукъ, копавшійся вблизи. Жукъ началъ дѣлать выговоры Васильку за его простоту: солнцу не до Василька, говоритъ жукъ,— у солнца совсѣмъ другія заботы:

Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ,
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты.

Такъ говоритъ жукъ бѣдному Васильку. Еще онъ говоритъ ему:

Ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь;
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!

Но солнышко взошло, природу освѣтило
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

Эта басня написана была Крыловымъ въ память тѣхъ благодѣяній, которыя оказывала дѣдушкѣ Императрица Марія Θеодоровна. Милосердая монархиня приняла нашего баснописца въ свой ближайшій кругъ. Дѣдушка Крыловъ неоднократно читалъ Государынѣ свои басенки въ Зимнемъ дворцѣ и Павловскѣ, любимомъ лѣтнемъ пребываніи Императрицы. Во время тяжкой болѣзни Крылова, когда удары паралича нѣсколько покривили его лице, Государыня Марія Θеодоровна приняла материнское участіе въ судьбѣ Крылова; она пригласила его изъ Петербурга въ Павловскъ и тамъ, окруженный уходомъ лучшихъ докторовъ, дѣдушка выздоровѣлъ, къ радости Государыни и всѣхъ, его знавшихъ, людей. Тогда-то, по своемъ выздоровленіи, Крыловъ написалъ басню „Василекъ". Эта басня написана была собственною рукою дѣдушки Крылова въ одномъ изъ альбомовъ, каторые разложены были въ Павловскѣ, въ домикѣ, называющемся еще и теперь „Розовый Павильонъ." Въ этомъ домикѣ Императрица Марія Θеодоровна любила собирать около себя Русскихъ писателей. Здѣсь читали Государынѣ свои сочиненія Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Жуковскій, Кокошкинъ и другіе. Тутъ же являлся и Крыловъ со своими замысловатыми разсказами. Тутъ, въ Розовомъ Павильонѣ, въ *первый разъ* увидѣли посѣтители басню Крылова: „Василекъ." „Помню, говоритъ одинъ современникъ, что на первомъ листѣ одного изъ альбомовъ красовалась басня Крылова, написанная его рукою, еще не бывшая тогда (1823 г.) въ печати: *Василекъ*. Помню, какъ любопытные посѣтители вырывали другъ у друга изъ рукъ перья, чтобы выписать послѣдніе стихи изъ „Василька":

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:

Куда лишь лучь его достанетъ, тамъ оно—
Былинкѣ-ль, кедру ли—благотворитъ равно,
И радость по себѣ. и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучь въ восточныхъ хрусталяхъ.
И все его благословляетъ.

При жизни Крылова басня „Василекъ“ напечатана была. въ числѣ другихъ его басенъ, съ картинкою. На картинкѣ былъ представленъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ: онъ сидитъ на камнѣ въ Павловскомъ саду, возлѣ бюста Императрицы Маріи Ѳеодоровны и подслушиваетъ разговоръ Василька съ Жукомъ. Другой современникъ разсказываетъ, что Крыловъ питалъ въ душѣ безпредѣльное благоговѣніе къ Государынѣ. и однажды, со слезами на глазахъ, говоря о милостяхъ къ нему Царицы, примолвилъ: „да, это одно обязываетъ меня написать исторію моей жизни.“ Вниманіе Государыни къ дѣдушкѣ Крылову доходило даже до самыхъ мелочей. Императрица знала, что дѣдушка любилъ покушать по-плотнѣе; поэтому она сама. когда Крыловъ обѣдывалъ у Государыни, накладывала ему кушанье. чтобы онъ кушалъ, сколько душѣ угодно. Надо думать, что милости Императрицы Крылову не всѣ намъ извѣстны, ибо истинная добродѣтель большею частію въ тайнѣ совершаетъ свои дѣла; истинная добродѣтель не желаетъ никакой награды: она не желаетъ даже извѣстности. На эту мысль дѣдушка Крыловъ написалъ прекрасную басенку. подъ названіемъ „Лань и Дервишъ“ (т. е. пустынникъ):

Младая лань, своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекомъ имѣя отягченны,
Нашла въ лѣсу младыхъ волчатъ,
И стала выполнять долгъ матери священный,
Своимъ питая ихъ млекомъ.

Пустынникъ, живущій въ лѣсу, увидѣлъ этотъ поступокъ лани и назвалъ его безразсуднымъ. Онъ сказалъ лани, что эти самые волчата. выросши, быть можетъ, ее же растерзаютъ.

„Быть можетъ, Лань на это отвѣчала:
Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когда-бъ не стала я питать.

Заключеніе къ этой баснѣ слѣдующее:

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

Эту басенку Крыловъ читалъ по рукописи въ зимнемъ дворцѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ лицѣ которой Провидѣніе послало Россіи Ангела „истинной благости“ для страждущаго человѣчества...

Кто же былъ Крыловъ? Какъ онъ научился писать такія превосходныя басни?

Чтобы отвѣчать на эти вопросы, надо разсказать, хоть коротенько, его житье-бытье. Иванъ Андреевичъ Крыловъ былъ сынъ офицера, служившаго въ арміи. Онъ родился въ Москвѣ, но, по обстоятельствамъ службы отца, дѣтство свое провелъ въ Оренбургѣ. Въ дѣтствѣ своемъ, на четвертомъ году жизни, едва не сдѣлался Крыловъ жертвою озлобившагося Пугачева, который поднялъ бунтъ противъ Императрицы Екатерины II. Пугачевъ со своимъ войскомъ осадилъ одну изъ крѣпостей на рѣкѣ Яикѣ (Уралѣ), а въ крѣпости защищался съ изумительною храбростію офицеръ Крыловъ, отецъ нашего будущаго баснописца. Пугачевъ скрежеталъ зубами, что не можетъ взять крѣпости; Пучачевъ передъ своей свитой поклялся, что онъ, если возьметъ крѣпость, повѣситъ все семейство Крылова, находившееся тогда въ Оренбургѣ. И такъ *повѣшеніе* грозило малюткѣ Крылову!.. Но Богъ не попустилъ свершиться бѣдѣ: Пугачевъ самъ былъ разбитъ нашими войсками.

По усмиреніи Пугачевскаго бунта, отецъ Крылова переѣхалъ въ Тверь. Здѣсь онъ поступилъ на службу

по гражданской части въ магистратъ. Скоро батюшка Крылова скончался, оставивъ одиннадцатилѣтняго Крылова на попеченіе своей вдовы. Мать Крылова — была добрая женщина, заботливая, истинно-любящая мать. Оставшись послѣ мужа въ крайней бѣдности, она билась изо-всѣхъ силъ, чтобы доставить своему семейству какое ни-на-есть образованіе и пропитаніе. Нашъ Крыловъ, благодаря заботамъ своей матери, ходилъ въ домъ предсѣдателя казенной палаты учиться Французскому и Нѣмецкому языкамъ; другимъ предметамъ онъ научился отъ отца. Потомъ мать опредѣлила его на тринадцатомъ,или четырнадцатомъ году жизни въ писцы, въ Калязинъ, уѣздный городъ Тверской губерніи. Вотъ гдѣ началось служебное поприще нашего славнаго баснописца! Въ Калязинѣ, въ должности писца уѣзднаго суда, надо полагать, началось самообразованіе нашего Крылова! Изъ Калязина Крыловъ перешелъ на службу въ магистратъ губернскаго города Твери въ *подканцеляристы*... Въ Твери для Крылова была другая школа, школа жизни. Служить изъ-за дневнаго пропитанія!.. Такова была эта вторая школа! Но служба службою, а талантъ—талантомъ. Талантъ, таившійся въ душѣ подканцеляриста Крылова, звалъ его на улицу, подальше отъ душныхъ комнатъ магистрата. Крыловъ посѣщалъ съ особеннымъ удовольствіемъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, — вмѣшивался въ толпу и съ жадностію прислушивался къ разговору простолюдиновъ, которые иногда говорятъ выразительнымъ Русскимъ языкомъ. Нерѣдко сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги-матушки и прислушивался, что̀ и какъ говорятъ прачки, пришедшія изъ разныхъ домовъ на портомой полоскать бѣлье. Домой возвращался подканцеляристъ Крыловъ съ большимъ запасомъ забавныхъ разсказовъ. Въ то же время Крыловъ зачитывался книгами, которыя остались отъ покойнаго отца...

1783 года, на 15-мъ году своей жизни, Крыловъ вмѣстѣ съ матерью прибылъ въ Петербургъ. Мать отыскивала пенсіонъ по службѣ мужа; за этимъ собственно она и дотащилась до здѣшней столицы. Выхлопатывая пенсіонъ, она въ то же время успѣла опре-

дѣлить своего сына Ивана на службу въ казенную палату. Уже въ Твери за безпорочную службу дали Крылову чинъ канцеляриста. Значитъ въ Петербургскую казенную палату поступилъ на службу *канцеляристъ* Иванъ Крыловъ. Жалованье ему положили 25 р. ас. въ годъ... Тогдашнія времена были не нонѣшнія!.. Крыловы платили кухаркѣ своей 2 р. ас. въ годъ... Скудное содержаніе не отнимало у Крылова присутствія духа. Его сокрушала та бѣда, что скоро, по прибытіи въ Петербургъ, умерла его родимая мать, крохами своими трудовыми давшая возможность сыну получить хоть какое-нибудь воспитаніе. Слѣды заботъ доброй матери на всю жизнь запечатлѣлись въ благодарномъ сердцѣ сына...

Оставшись на двадцатомъ году жизни властелиномъ своей судьбы, Крыловъ продолжалъ учить самого себя. Онъ развивалъ, какъ умѣлъ, свои разнообразныя дарованія. Служба шла своимъ чередомъ. Крыловъ мѣнялъ ее неоднократно: кромѣ Казенной палаты, служилъ въ монетномъ дворѣ, служилъ въ кабинетѣ Его Величества, служилъ еще въ провинціи, напр. въ Ригѣ, въ должности правителя губернаторской канцеляріи. Бывалъ и въ отставкѣ. Съ 1811 года, со дня открытія Императорской Публичной Библіотеки, Крыловъ остановился, не мѣнялъ болѣе службы, въ теченіи *тридцати лѣтъ*, мало того, что не мѣнялъ службы своей—званія библіотекаря Публичной Библіотеки,—онъ не мѣнялъ тридцать лѣтъ и квартиры своей. Сдѣлавшись библіотекаремъ, онъ жилъ во второмъ домѣ отъ Публ. Библ., напротивъ гостинаго двора, на казенной квартирѣ и прожилъ тутъ ровно тридцать лѣтъ до своей отставки въ 1841 году...

Мы выше сказали, что служба шла своимъ чередомъ, а талантъ — своимъ. Въ Петербургѣ, служа въ разное время по разнымъ мѣстамъ, находясь и въ отставкѣ, Крыловъ все свободное время употреблялъ на развитіе своихъ талантовъ. Онъ пробовалъ ихъ съ разныхъ сторонъ. Сначала онъ принялся сочинять для театра. Къ театру у него была страсть. Можете себѣ представить, что подканцеляристъ Крыловъ, на 15-мъ году жизни своей, написалъ оперу... да, оперу... Эта опера, подъ названіемъ „Кофейница“, въ 1869 г. напечатана: слѣ-

довательно была подъ-спудомъ ровно восемьдесятъ шесть лѣтъ... Въ оперѣ представлена женщина, которая ворожитъ на кофею... „Кофейница“ была продана Крыловымъ книгопродавцу за 60 р. ас., но Крыловъ денегъ не взялъ ни копѣйки, а взялъ книгъ на эту сумму, чтобы читать, читать и учиться. Театръ—заманчивое дѣло. Крыловъ сталъ писать для театра. Сочинитъ піеску и понесетъ изъ своей квартиры отъ Измайловскаго полка къ актеру Ивану Аѳанасьевичу Дмитревскому, жившему тогда на Гагаринской пристани. Дмитревскій въ то время былъ свѣтиломъ театральнаго міра. Его игра приводила въ восторгъ нашихъ предковъ; онъ заставлялъ иногда рыдать весь театръ. Такіе таланты рождаются вѣками! Но черта истинно-великихъ душъ быть доступными ближнему. Дмитревскій, самъ провинціалъ изъ Ярославля, исключенный нѣкогда семинаристикъ, а теперь знаменитый артистъ, протянулъ руку помощи Крылову, канцеляристу изъ Твери; съ охотою выслушивалъ, какъ Крыловъ читалъ свою новую піесу и, разобравъ ее по косточкамъ, прямо сказалъ, что она не хорошо написана. Своимъ приговоромъ знаменитый артистъ, и въ то же время сочинитель, не хотѣлъ отнять охоты у Крылова: онъ посовѣтовалъ ему учиться и еще попробовать свои силы въ этомъ родѣ. Сѣмена упали на благодатную почву: Крыловъ продолжалъ сочинять для театра и впослѣдствіи достигъ того, что его пьесы игрались на сценѣ, и имѣли большой успѣхъ. Вотъ вамъ и еще школа, которую нашъ Крыловъ прошелъ у Дмитревскаго!..

Пробовалъ потомъ свои таланты Крыловъ еще съ другой стороны. Видя, что при Императрицѣ Екатеринѣ II въ большомъ ходу журналы, Крыловъ рѣшился попытать счастія на этомъ родѣ занятій. Онъ издавалъ въ разныя времена не одинъ журналъ, а нѣсколько журналовъ. Завелъ даже типографію. Журналы Крылова имѣли успѣхъ, хотя и не всѣ. Вотъ вамъ и еще школа, которая воспитывала будущаго баснописца!..

А то примется Крыловъ за скрыпку. Надо сказать по правдѣ, что Крыловъ былъ мастеръ играть на этомъ инструментѣ. Первѣйшіе тогдашніе музыканты искали

его дружбы, приглашали его участвовать въ концертахъ: Крыловъ исполнилъ ихъ просьбу, и мы знаемъ, что онъ увлекательно игралъ на скрыпкѣ. Публика, гулявшая въ лѣтнемъ саду, однажды съ наслажденіемъ вслушивалась, какъ одинъ скрыпачь, ставъ у открытаго окна того дома, гдѣ теперь имѣетъ пребываніе Его Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, — разыгрывалъ музыкальную піесу: звуки лились, скрыпачь не отходилъ отъ окна, и онъ самъ завлекся восхитительными тонами своей игры, и публика лѣтняго сада завлеклася ими... Это — игралъ Крыловъ, будущій славный баснописецъ. Любовь къ музыкѣ онъ сохранилъ до смерти своей. Музыка—это еще новая школа, гдѣ вырабатывался талантъ нашего баснописца!..

Повторяемъ, что Крыловъ съ разныхъ сторонъ пробовалъ свои таланты, пока дошелъ до главнаго — до таланта писать неподражаемыя басни. Или вдругъ припадетъ охота заняться учительствомъ. Приглашаетъ къ себѣ Крылова въ деревню, въ Саратовскую губернію, князь Голицынъ. Крыловъ ѣдетъ въ деревню. У князя Голицына есть дѣти свои и чужія, питомцы. Крыловъ предлагаетъ свои услуги поучить дѣтей — мальчиковъ и дѣвочекъ Русскому языку. Учитъ и учитъ съ большимъ искусствомъ. Его уроки похожи на бесѣды отца съ малыми дѣтьми, уроки ясные, толковые, занимательные. Сами ученики, сдѣлавшись впослѣдствіи замѣчательными людьми, съ удовольствіемъ вспоминали объ урокахъ деревенскаго учителя Крылова. Вотъ вамъ и еще школа, въ которой приготовлялся будущій знаменитый баснописецъ!..

Въ 1806 году Крыловъ былъ въ Москвѣ и представилъ три басни свои тогдашнему извѣстному баснописцу И. И. Дмитріеву. Дмитріевъ одобрилъ Крылова и посовѣтовалъ ему оставить всѣ другія занятія и посвятить себя исключительно составленію басенъ. Крыловъ послушался Дмитріева, и тутъ-то впервые онъ постигъ истинное свое призваніе. Три басни, напечатанныя въ журналѣ, были радушно приняты публикою. Ученые печатно ихъ похвалили: Крыловъ взялся за перо баснописца и не выпускалъ уже его до самой смерти, въ теченіи тридцати пяти лѣтъ.

Въ 1809 году вышла въ свѣтъ первая книжка басенъ Крылова; тутъ было напечатано двадцать три его басни. 1809-й годъ положилъ начало всеобщей извѣстности Крылова. Въ немъ стали видѣть баснописца съ высокимъ талантомъ. Крыловъ съ году на годъ все пишетъ болѣе и болѣе, и слава его возрастаетъ все сильнѣе и сильнѣе. Со времени поступленія его на службу въ Публичную Библіотеку, т. е. съ 1811 года, жизнь его принимаетъ, какъ уже было сказано, ровный, спокойный, однообразный ходъ. Но слава его дѣлается громкою. Крылова басни читаются повсюду. Онъ становится членомъ разныхъ ученыхъ обществъ; въ одномъ изъ нихъ дѣдушка читаетъ свою басню „Демьянова Уха“: Сосѣдушка, мой свѣтъ! пожалуйста покушай!— Сосѣдушка, я сытъ по горло... и пр. Общество рукоплещетъ, заслыша чтеніе такой удивительной басни. Но что для Крылова рукоплесканія малаго кружка! Ему дружнымъ хоромъ рукоплещетъ вся грамотная Русь, по которой расходятся его неподражаемыя басни въ количествѣ ста и болѣе тысячъ экземпляровъ... Крылова наперерывъ другъ передъ другомъ зовутъ къ себѣ графы и князья наши, которые въ старые годы очень дорожили отечественными дарованіями; Крыловъ является со своими баснями въ разные велико-свѣтскіе дома. Особенно любило лелѣять нашего одинокаго, всю жизнь бывшаго холостымъ, баснописца, семейство А. Н. Оленина, директора Публичной Библіотеки. Супруга Оленина, Елисавета Марковна, какъ сына роднаго любила Крылова, называла его „крылышкомъ“. Подъ ея материнскимъ крыломъ дѣдушка Крыловъ всегда находилъ успокоеніе и самый родственный пріемъ. „Я и умирать къ вамъ приду“, говорилъ нашъ баснописецъ Елисаветѣ Марковнѣ, этой доброй и одной изъ образованнѣйшихъ Русскихъ женщинъ того времени. Въ семействѣ Олениныхъ находили пріютъ всѣ тогдашніе наши таланты. Тутъ предварительно, прежде печатанія, Крыловъ прочитывалъ свои прелестныя басни. Палаты нашихъ графовъ и князей, а равно и другихъ именитыхъ господъ, служили для Крылова еще новою школою, которая воспитывала въ немъ талантъ великаго баснописца....

Отъ раззолоченныхъ палатъ большихъ баръ Крыловъ отправляется во дворецъ, и царскіе чертоги оглашаются его баснями. Мы уже выше говорили, что онъ неоднократно читалъ по рукописи свои басни Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Здѣсь пополнимъ, что Императрица Александра Ѳеодоровна благоволила къ дѣдушкѣ Крылову: она присылала ему букеты за его роскошныя басни. Букетами Государыни Крыловъ дорожилъ: во гробѣ, на его холодномъ, безжизненномъ трупѣ лежали букеты Императрицы... Императоръ Николай Павловичъ уважалъ талантъ Крылова: 1831 года, въ день именинъ Наслѣдника престола, *нынѣ* царствующаго Государя, Императоръ Николай Павловичъ, въ числѣ другихъ подарковъ, прислалъ ему бюстъ Крылова... Поучительный подарокъ отъ царя—отца къ сыну — будущему царю!.. Государь Императоръ Николай Павловичъ позволилъ напечатать басню „Вельможа", которую не рѣшались цѣлый годъ печатать. Это одинъ изъ любопытныхъ случаевъ въ жизни нашего дѣдушки. Крыловъ написалъ басню „Вельможа." Басня весьма смѣлая... Въ ней разсказывается, что одинъ вельможа, управляя цѣлымъ обширнымъ краемъ, только и дѣлалъ, что „пилъ, ѣлъ и спалъ, да все подписывалъ," что ему секретарь „ни подавалъ." Басня эта круглый годъ лежала на письменномъ столѣ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уварова, не рѣшавшагося одобрить ее къ печатанію. Тогда дѣдушка лично явился къ Государю Императору Николаю Павловичу. Да и какъ явился! Въ блестящей одеждѣ боярина старыхъ временъ, въ красныхъ сапогахъ и съ подвязанной сѣдою бородою. А одѣлся дѣдушка въ такой нарядъ потому, что при дворѣ былъ маскарадный вечеръ, на который и онъ имѣлъ приглашеніе. Явившись въ богатой золотистой одеждѣ боярина во дворецъ, Крыловъ попросилъ позволенія у Государя сказать ему при всѣхъ свою новую басню. Государь позволилъ. Крыловъ прочелъ... Государь былъ восхищенъ: обнялъ нашего дѣдушку, поцѣловалъ и сказалъ: „пиши, старикъ, пиши!" Басня была немедменно напечатана... Государь Николай Павловичъ обезпечилъ матеріальное благосо-

стояніе Крылова: 1834 г. пенсія въ три тысячи р., получаемая Крыловымъ, была удвоена изъ суммы Государственнаго казначейства; при отставкѣ, въ 1841 г., дѣдушка, по повелѣнію Государя, получилъ пенсіи около четырехъ тысячъ р. с. Въ то время это были большія деньги,—да и теперь не маленькія... Во дворцѣ Е. И. Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны есть замѣчательная картина изъ холостой, безсемейной, одинокой жизни Крылова. Крыловъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ; кругомъ его бронза, хрусталь, фарфоръ, алебастръ, серебро, разныя дорогія ткани; у ногъ его богатые англійскіе ковры, и все это покрыто пылью, заброшено, оставлено; на коврахъ разсыпанъ овесъ и ходятъ голуби, прилетѣвшіе въ открытую форточку изъ гостинаго двора,—на столѣ и на коврахъ пепелъ и окурки отъ сигаръ. Ея Высочество пожелала имѣть у себя образчикъ такой будничной жизни Крылова на картинѣ, что̀ и было исполнено лучшимъ тогдашнимъ живописцемъ. Вы видите, какъ царское семейство дорожило дарованіемъ Крылова!...

2-го Февраля 1838 г. царь и Россія торжественно заявили свой почетъ дѣдушкѣ Крылову. Въ дворянское собраніе явилось многочисленное общество для празднованія пятидесятилѣтняго служенія Крылова отечеству въ качествѣ Русскаго писателя и славнаго баснописца. Министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ передъ многолюдною публикою прочиталъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь Императоръ Николай Павловичъ, похваляя „благородное, истинно-Русское чувство“, выражавшееся въ басняхъ Крылова, „сдѣлавшихся народными“, жаловалъ Крылова кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-й степени... Украсивъ грудь Крылова звѣздою, министръ пригласилъ нашего баснописца въ особенную залу, гдѣ Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи поздравили его отъ лица всего царскаго семейства съ великимъ торжествомъ. Во время роскошнаго обѣда, начавшагося „Демьяновой Ухой“ и любимой Крыловской кулебякой, дѣдушка сидѣлъ среди министровъ и другихъ именитыхъ особъ. Противъ него на особомъ возвышеніи стоялъ бюстъ И. А. Крылова, увѣнчаннаго лав-

рами и лежали всѣ изданія его басенъ, увитыя цвѣтами. Съ лѣвой стороны раздалось пѣніе извѣстнаго артиста, и нынѣ еще здравствующаго, О. А. Петрова: Петровъ, который теперь восхищаетъ всѣхъ въ Маріинскомъ и Александринскомъ театрахъ, пѣлъ тогда своимъ звучнымъ и очаровательнымъ голосомъ стихи въ честь Крылова, соч. кн. Вяземскаго. Чаще всего слышалась въ его сладкомъ пѣніи слѣдующія слова:

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Когда дѣдушка Крыловъ всталъ изъ-за стола и пошелъ по залѣ, на него съ хоровъ залы посыпались цвѣты и лавровые вѣнки. Это дамы, бывшія на хорахъ, выражали свое чувство радости и благодарности Крылову. Дѣдушка всѣмъ, окружавшимъ его въ настоящія минуты, былъ глубоко тронутъ. На лицѣ его не сіяло особой радости. Надо полагать, что его уму рисовались картины его прошлаго житья-бытья: Пугачевъ подъ Оренбургомъ, Калязинскій уѣздный судъ, Тверской магистратъ, С. П. Бургская казенная палата съ 25-ю р. асс. жалованья...

Собравшаяся публика пожелала выбить медаль въ память пятидесятилѣтняго служенія Крылова Русскому народу, въ качествѣ писателя и баснописца. Медаль впослѣдствіи была выбита. На ней изображенъ былъ Крыловъ по грудь (съ одной стороны) и сдѣлано указаніе на его заслуги; сверхъ того собрана сумма по подпискѣ на образованіе Крыловской стипендіи, которая и была обращена на воспитаніе двухъ сиротъ.

1841 года Крыловъ оставилъ службу въ Имп. Публ. Библіотекѣ, какъ уже было сказано. Государь Николай Павловичъ повелѣлъ выдавать Крылову изъ Государственнаго Казначейства, не въ примѣръ другимъ, 3,342 рубл. сер.

Дѣдушка оставилъ свою казенную квартиру подлѣ Публичной Библіотеки, гдѣ онъ прожилъ ровно три-

дцать лѣтъ и переѣхалъ на Васильевскій островъ, въ первую линію, противъ кадетскаго корпуса (нынѣ Павловское училище). Онъ, оставшійся всю жизнь холостымъ, усыновилъ семейство крестницы своей, бывшей изъ простаго званія. Окружилъ себя ея дѣтьми, училъ ихъ грамотѣ и музыкѣ.

Передъ смертью своею приготовлялъ къ новому изданію свои безсмертныя басни, но не успѣлъ выпустить ихъ въ свѣтъ. Дѣдушка И. А. Крыловъ умеръ 1844 года, 9 Ноября, проживъ 76 лѣтъ, а по другимъ извѣстіямъ, ровно 80 лѣтъ.

Погребеніе Крылова было великолѣпно. Церковь Св. Исаакія Далматскаго едва могла вмѣщать всѣхъ желающихъ поклониться праху почившаго баснописца. Литургію совершалъ преосвященный Іустинъ, надгробное слово говорилъ краснорѣчивый проповѣдникъ того времени, протоіерей Маловъ. Сановники государственные выносили сами гробъ Крылова изъ церкви, на погребальныя дроги. По обѣимъ сторонамъ Невскаго проспекта стояло множество народа, провожая молитвою дѣдушку Крылова на тотъ свѣтъ, „идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.“ Въ Невскомъ монастырѣ обрядъ отпѣванія совершалъ митрополитъ Антоній въ сослуженіи другихъ епископовъ. Передъ закрытіемъ гроба Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ положилъ туда медаль, выбитую въ память пятидесятилѣтняго служенія Крылова Русскому народу.

Могила Крылова находится на кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря.

Послѣ похоронъ Крылова, объявлена была по всей Россіи подписка на сооруженіе ему народнаго памятника. Этотъ памятникъ открытъ уже въ наше время, въ 1856 году. Дѣдушка Крыловъ, въ просторномъ сюртукѣ и рубашкѣ съ открытымъ воротомъ, вылитый изъ бронзы, сидитъ на камнѣ; изъ бронзы же сдѣланы изображенія разныхъ животныхъ и другихъ предметовъ на памятникѣ, — а самый четыреугольникъ, на которомъ находится Крыловъ, выбитъ изъ чернаго Сердобольскаго гранита. Обойдите этотъ монументъ со всѣхъ сторонъ,

вы увидите, что на немъ представлены въ сокращеніи всѣ басни Крылова....

Около памятника, въ хорошіе теплые дни, почти постоянно можно видѣть дѣтей. Проказница-мартышка, оселъ, козелъ да косолапый мишка, изображенные на одной сторонѣ монумента, особенно, кажется, привлекаютъ ихъ вниманіе.

Мы, взрослые, созиждемъ памятникъ Крылову въ сердцахъ своихъ; станемъ чаще и чаще читать его басни, запоминая тѣ спасительные уроки, которые въ нихъ даны и старому, и малому, богатому и бѣдному, ученому и неученому; внимательнымъ чтеніемъ басенъ мы будемъ творить вѣчную память дѣдушкѣ Крылову, этому первому нашему *народному* учителю, въ полномъ смыслѣ этого слова.

22 Октября 1872 г.

СЪ 10-ю РАСКРАШЕННЫМИ

LIBRARY OF CONGRESS
00016285705

ИЗДАНІЯ ПОСТОЯННОЙ КОММИССІИ

НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ:

Жизнь Божіей Матери, и праздники въ честь Ея. Священника М. И. Соколова. Съ 7 раскрашен. картин. . . . . ц. 15 к.

О Богослуженіи православной церкви. Священника М. И. Соколова. Съ 8 раскрашен. картин. . . . . ц. 20 к.

Первые вѣка христіанства и распространеніе его на Руси. Священника С. И. Отаповича. Съ 15 раскрашен. картин . ц. 25 к.

Владиміръ Святой и Равноапостольный. С. М Съ 10 раскраш. картин. . . . . ц. 10 к.

Святыя мѣста земли Русской:

1) **Соловецкій монастырь.** С. Максимова. Съ 10 раскраш. картин. . . . . ц. 15 к.

2) **Троицко-Сергіевская Лавра.** С. М. Съ 10 раскрашен. картин. . . . . ц. 15 к.

3) **Святыни Кіева.** Свящ. С. И. Опатовича. Съ 8 раскр. карт. ц. 15 к.

О Петрѣ Великомъ. Молодость Петра Великаго; какъ и чему онъ учился. Какъ онъ добылъ море и создалъ Русскій флотъ. С. Рождественскаго. Съ 12 раскрашен. картин. . . . . ц. 20 к.

Чему училъ Петръ Великій народъ свой. С. М. Съ 10 раскрашен. картин. . . . . ц. 15 к.

Подвигъ Новгородскаго купца Иголкина. В. О Михневича. Съ 4 раскрашен. картин. . . . . ц. 10 к.

М. В. Ломоносовъ. А. Г. Филонова. Съ 10 раскрашен. картин. ц 10 к.

Дѣдушка Крыловъ и его басни. А. Г. Филонова. Съ 10 раскрашен. картин. . . . . ц. 15 к.

Откуда идетъ къ намъ чай и чѣмъ онъ полезенъ. Е. Рейнбота. Съ 6 раскрашен. картин. . . . . ц. 15 к.

Продаются въ книжной лавкѣ при Канцеляріи С.-Петербургскаго Градоначальника, (Большая Морская, д № 40). Покупающимъ 100 и болѣе экз. каждой книги, уступается 20% съ рубля. Иногородные покупатели, при выпискѣ отъ 1 до 5 экз. прилагаютъ на пересылку за одинъ фунтъ, а отъ 5 до 10— за два фунта и т. д.

Цѣна пятнадцать (15) коп.